
СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ*

Л.С. Нестеренко

Кафедра теории и истории государства и права
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена исследованию правового пространства России, а также его социокультурных особенностей.

Ключевые слова: социокультурное пространство, интеграция национальных окраин, судебная реформа, правовые традиции.

Современный статус российского государства обуславливает необходимость рассмотрения вопросов развития всех сторон жизни общества, включая и развитие судебной системы Российской Федерации с учетом исторических и культурных особенностей и правовых традиций, имевших место в прошлом, так как нынешняя федеративная Россия сохранила государственно-правовое, географическое, социально-экономическое, культурное своеобразие своих субъектов.

Вышеизложенное актуализирует конкретно-историческое исследование особенностей социокультурного ландшафта России, без понимания которого невозможно формирование единого правового пространства, которое отличает истинно правовое государство от территории, где законы применяются от случая к случаю в зависимости от обстоятельств.

Кроме того представляется целесообразным провести историко-правовой анализ понятия «пространство» применительно к территории России, хотя стоит отметить, что непосредственно само пространство и так называемые подпространства образовывались на протяжении веков и окончательно сложились ко второй половине XIX — начале XX в. Причем каждое из этих подпространств имело свои яркие особенности. Очевидно, что совокупность научных знаний и представлений о конкретной территории формирует необходимый базис для очерчивания социокультурного и физико-политического пространства, а также государственной политики по отношению к данной территории и ее границам.

---

* Статья выполнена в рамках НИР «Сравнительные исследования правовых систем, правовых культур» на период 2013–2015 гг. (тема № 090404-0000).

Термин «пространство» имеет множество определений. Данное понятие широко используется в разных науках: философии, математике, физике, географии, геополитике. Обращение к категории «пространство» в сфере права дает возможность рассмотреть сущностные процессы, происходящие в правовой системе страны. Исследовательский потенциал категории «пространство» заключается в том, что это универсальная правовая категория, позволяющая проанализировать вопросы соразмерности нормативных правовых актов, использования договорных механизмов в федеративных отношениях, охарактеризовать состояние сопряженности, рядоположенности различных правовых явлений, складывающихся, развивающихся и функционирующих в рамках единой государственной территории [1. С. 51].

Теоретические постулаты XIX в. сводились к выделению в империи территорий, различавшихся друг от друга по совокупности географических, демографических, национальных факторов и собственно хозяйственных показателей. Таких районов насчитывали от восьми до двенадцати, особо оговаривая существование внутренних (центральных) и всех остальных. Понятия, которыми пользовались тогда, были разнообразны, чаще всего фигурировали термины «пространства», «области», «земли». Согласно словарю В.И. Даля, они означали нечто «общее совокупное в вещественном или духовном быту», «простор», «землю, область и народ».

Эпоха модернизации, начатая реформами 1860-х гг., способствовала интеграции различных частей империи в единое политическое и экономическое пространство.

Однако фактором сдерживания организации эффективного политического, административного контроля, равно, как и судебных преобразований, выступало огромное геофизическое пространство империи. Отдаленность национальных окраин подчеркивает важность изучения характера отношений «периферия — центр» в понимании механизма конструирования пространственных границ Российской империи, причем именно анализ физико-пространственной диспозиции акторов позволяет понять степень различности восприятия территории, характера взаимоотношений и интересов между акторами на локальном, региональном и национальном уровнях.

Так, в случае двойной периферийности пограничных территорий конструирование пространственных образов может вести к существенному искажению восприятия границы, т.е. асимметричности образов при передаче информации от локальных субъектов к региональным и национальным. «Граница — это не только линия на географической карте, — отмечает философ С.А. Королев. — Это, с одной стороны, не просто край рубеж некоего географического пространства, территории, а некий край пространства власти, т.е. территории, стратифицированной при помощи властных технологий, а с другой — это зона соприкосновения, пресечения, наложения различных, часто разнотипных, пространств и столкновения различных структур власти» [5. С. 5].

Д.Н. Замятнин интерпретировал «азиатскую границу» как «особый тип границы, представляющий собой большую барьерную территорию между им-

периями, на которой продолжали существовать осколочные местные властные структуры» [4].

Ключевыми понятиями в анализе представлений основных субъектов о территории и границе являются категории пространство и локальность [10. С. 282–283]. Обе категории позволяют охарактеризовать представления основных акторов о границе как о территории, имеющей «абстрактно-пространственную» или «конкретно-локальную» форму.

Восприятие территории как «абстрактного пространства» базируется на отсутствии прямого опыта взаимодействия субъекта с территорией и достоверных знаний о воображаемом физическом пространстве [3. С. 53–54]. Территория, представляемая «абстрактным пространством», может быть не структурирована в физико-политическое и социокультурное пространства государства и не включена в систему государственных интересов.

Вышеизложенное позволяет сформулировать идею социокультурного пространства следующим образом: политика властей в сфере права должна была соответствовать социокультурному пространству, в котором она осуществлялась, то есть она должна быть соотнесена с ментальностью различных социальных групп, которым была адресована, с их уровнем правосознания и правовой культуры. Задачи власти должны были состоять в согласовании ценностных ориентиров различных слоев населения по поводу проводимой реформы, в осуществлении последовательных действий по ее воплощению в жизнь с тем, чтобы не дать разжиться социокультурным противоречиям в обществе.

Понятие «центр», «центральная Россия» имеет свое конкретно-историческое понимание. Известный статистик начала XIX в. К.И. Арсеньев под центром России понимал «пространство — сердце империи, настоящее отечество Русского народа, центр всей Европейской России, вместилище всех сокровищ, доставляемых образованностью, распространенной промышленностью и обширную внутреннюю торговлю» [9]. Можно утверждать, что «центр» и «регион» — это термины, описывающие прежде всего географию власти, причем центром является местоположение высших и центральных учреждений государства, где принимаются стратегические управленческие решения.

Значительную часть России данного периода занимали территории с иногородским населением, которое находилось на различных стадиях социально-экономического и политического развития [2].

Некоторые из них имели древнюю историю государственности и более высокий уровень развития по сравнению с великорусскими губерниями. Многие имели государственно-правовой статус генерал-губернаторств, что определялось их удаленностью от метрополии и приграничным характером. Другая черта — особый этнический и социальный состав населения: преобладание коренных жителей, значительное число переселенцев, часто с криминальным прошлым, или беглых крестьян и рекрутов, либо членов религиозных сект. Отсюда — иные культурные, в том числе и религиозные традиции, чем на великорусской территории [2].

Нельзя не упомянуть и специфику экономического уклада, обусловленную историческими и географическими причинами, такими, например, как неболь-

шое население, распределенное по значительной территории; сильное влияние местной феодальной знати, с которой власти необходимо было считаться и находить общий язык. Таков круг предпосылок, повлиявших на организацию судостроительства и судопроизводства в национальных окраинах. Подчеркнем также, что само понятие «национальные окраины» достаточно условно.

В этой связи следует обратить внимание на очевидные трудности в понятийном аппарате исследуемых вопросов. В частности, необходимо представить трактовку термина, определяющего национальные окраины Российской империи. Данный термин ставился в соответствие с категориями «внешняя губерния», «колония», «периферия», «регион», «протекторат» и т.п. [7].

Мы согласны с позицией А.В. Ремнева, который предлагает выйти за пределы дихотомии «центр — периферия», так как пространство Российской империи имеет свою иерархию, что подразумевает наличие различных видов неравенства периферийных регионов по отношению к центру, в котором «располагалась сильная государственная власть, привилегированная, динамичная, внушающая одновременно страх и уважение» [9].

Для описания национальных окраин Российской империи следует отказаться от единой системы характеристик и признать, что применительно к каждой составляющей исследуемого пространства такой набор характеристик (признаков) будет иметь свою системообразующую доминанту. В той или иной степени национальные окраины Российской империи воспроизводили концепцию структурируемого пространства, создавая свои «центры» и «регионы». Отметим также, что в рамках настоящего исследования применительно к процессу реализации судебной реформы целесообразно использование термина «пространственное структурирование» [8. С. 443].

Следует признать дискуссионным использование некоторыми авторами термина «протекторат» в отношении национальных окраин Российской империи. Данный термин (от латинского «протектор» — защитник, покровитель) обычно применяли к странам, находившимся под покровительством других, более сильных и развитых государств. Однако при определении степени их зависимости и соответствующей детерминации этого понятия многие историки и юристы придерживались различных точек зрения. Западноевропейские и российские правоведы не раз делали попытки дать точное определение данному термину и его содержанию. В XVIII в. швейцарский ученый Эмер де Виттель, основываясь на популярной в его эпоху теории естественного права народов, полагал, что покровительствуемой стороне должна быть предоставлена административная внутренняя автономия.

Исследование сложившихся во второй половине XIX в. на российских территориях систем органов государственной власти предполагает объективное изучение как высших и центральных имперских учреждений, осуществлявших управление данными территориями, местных органов власти, начиная с генерал-губернаторского уровня и до городского и сельского управления и самоуправления, судебных систем, так и соответствующей нормативно-правовой базы. Это позволит определить специфику судебных учреждений в зависимости

от местных и общегосударственных условий, обоснованность предоставления окраинам того или иного статуса, а также эффективность созданных здесь судебных систем и, значит, в определенной мере, эффективность всего механизма. Сложные вопросы генезиса, эволюции и трансформации подпространств Российской империи — ее национальных окраин, ее протектората, во второй половине XIX в. имеют большое значение для понимания общеполитической системы и характера отношений России с прибалтийскими и польскими губерниями, Кавказом, Средней и Центральной Азией.

В определении основ «окраинной» политики самодержавие оказалось перед дилеммой введения общегосударственной системы управления или предоставления определенной административной автономии. Признание особого статуса некоторых элементов национальных окраин обусловило их правовую обособленность и, в частности, реализацию судебной реформы с известными ограничениями.

Особенности процесса интеграции национальных окраин в общеимперское пространство достаточно четко обозначил в начале 1880-х гг. восточно-сибирский губернатор Д.Г. Анучин: «при всяком увеличении нашей территории, путем ли завоевания новых земель или путем частной инициативы, вновь присоединенные области не включались тотчас же в общий состав государства с общими управлениями, действовавшими в остальной России, а связывались с Империей чрез посредства Наместников или Генерал-губернаторов как представителей верховной власти, причем на окраинных наших областях вводились только самые необходимы учреждения в самой простой форме, сообразно с потребностями населения и страны и нередко с сохранением многих из прежних органов управления» [7].

Интерпретация пространства Российской империи постепенно усложнялась расширением как внешних имперских границ, так и нарастанием внутренних политических и управленческих задач, управленческой специализацией и дифференциацией. Относительная разреженность военных и административных центров при слабой заселенности русскими в национальных окраинах создавала опасную геополитическую ситуацию, усиливало значение физико-географических преград, которые должны были восполнить военные и управленческие «лакуны» на границе. Империя была обречена обращать на окраины больше внимания, нежели на центр, потому что именно на периферии лежали ее основные заботы о внутренней и внешней безопасности.

Ко второй половине XIX в. значительную часть Российской империи заселяли люди различных национальностей, которые находились на различных стадиях социально-экономического и политического развития, кроме того, имели разную религиозную принадлежность. Стоит отметить, что в ходе исторического развития у каждого из этих народов сохранялись свои правовые обычаи. Соответственно, нужны были суды, которые могли эти обычаи воспринять и на их основе удовлетворить потребность в справедливости.

Так, в губерниях европейской части России действовали волостные суды, в Польше гминные, в Туркестанском крае и Средней Азии действовали народные

суды казиев и биев, основанные на нормах Шариата, горцы Северного Кавказа для решения возникающих споров обращались к суду кади и в медиаторский суд, основанный на нормах адата. Свой суд был у кочевников Восточной Сибири и Калмыкии. В силу этого политика властей обретала свои особенности в каждом отдельно взятом регионе. Она должна была соответствовать социокультурному пространству, в котором она осуществлялась, то есть она должна быть соотнесена с ментальностью различных этнических групп, которым была адресована, с их уровнем правосознания и правовой культуры.

Задачи власти должны были состоять в исследуемый период в согласовании ценностных ориентиров различных слоев населения по поводу проводимой реформы, в осуществлении последовательных действий по ее воплощению в жизнь с тем, чтобы не дать разжиться социокультурным противоречиям в обществе. К сожалению, по мнению автора, данная цель не была достигнута властями в полной мере. Имперскому правительству так и не удалось выработать единый универсальный механизм, который был бы способен осуществлять правовое регулирование на всем пространстве Российской империи. Данный факт можно объяснить, с одной стороны, постоянным процессом присоединения к Российской империи новых территорий, с другой — сложной внутривластной обстановкой, связанной с подъемом революционной активности.

К сожалению, если взглянуть на опыт прошлого, становится очевидным, что именно непонимание особенностей России, ее социокультурного многообразия влекло за собой негативные последствия и обрекало многие реформы на неудачу. Кроме того, реформы, опиравшиеся на западный опыт, не всегда хорошо приживались в России, и зачастую давали не тот результат, который ожидали власти.

Традиционно Россия является страной полиэтнической и многоконфессиональной. Исходя из этого следует, что основная задача органов власти, проводящих государственно-правовые преобразования, состоит в том, чтобы, с одной стороны, выработать универсальный механизм правового регулирования для всех субъектов федерации в целом, невзирая на их социальную, этническую или конфессиональную принадлежность, с другой — учесть особенности каждого отдельно взятого региона. Только верховенство закона, перед которым все равны и который одинаков для всех, способно предотвратить социальную напряженность в обществе, побороть появляющиеся в регионах сепаратистские настроения и сформировать подлинно правовое государство. В то же время при проведении реформ в России нельзя не учитывать особенности социокультурного развития отдельных ее частей. И опыт Российской империи во второй половине XIX в. это отчетливо показывает.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Барциц И.Н. Конституционно-правовое пространство Российской Федерации: Дисс. ... д-ра юрид. наук. — М., 2001.
- [2] Гагагова Л.Г. Империя: идентификация проблемы // Исторические исследования в России: Тенденции последних лет. — М., 1993.

- [3] *Зайков К.С.* Пространственные границы Российской империи на Мурманском побережье в начале XIX в. // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. — 2010. — № 1(9).
- [4] *Замятнин Д.Н.* Моделирование географических образов. — Смоленск, 1999.
- [5] *Королев С.А.* Российская граница как края пространства: генезис и типология // Россия и современный мир. — 2002. — № 2 (35).
- [6] *Плещеев С.И.* Обзорение Российской империи в нынешнем и новоустроенном состоянии. — СПб., 1787.
- [7] *Ремнев А.В.* Имперское управление азиатскими регионами России в XIX — начале XX в.: Некоторые итоги и перспективы изучения. — Омск, 1996.
- [8] *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* О могущественном территориальном владении применительно к России // Известия ИРГО. — Т. 51. — Вып 8.
- [9] Торговля и промышленность Европейской России по районам / Под ред. В.П. Семенова-Тянь-Шанского и Н.М. Штруппа. — СПб., 1909–1911. — Вып. 1–12.
- [10] *Flint C., Taylor P.J.* Political geography. World-economy, nation-state and locality. — London, 2007.

SOCIO-CULTURAL LEGAL SPACE OF RUSSIA

L.S. Nesterenko

The Department of Theory and History of State and Law
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the investigation of the legal space of Russia, as well as its socio-cultural features.

Key words: socio-cultural space, the integration of the borderlands, judicial reform, legal traditions.

REFERENCES

- [1] Bartsits I.N. Konstitutsionno-pravovoe prostranstvo Rossiyskoy Federatsii: Diss. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2001.
- [2] Gatagova L.G. Imperiya: identifikatsiya problemy // Istoricheskie issledovaniya v Rossii: Tendentsii poslednikh let. — M., 1993.
- [3] Zaykov K.S. Prostranstvennyye granitsy Rossiyskoy imperii na Myurmanskom pobere-zh'e v nachale KhIKh v. // Voprosy istorii i kyul'tury severnykh stran i territoriy. — 2010. — № 1(9).
- [4] Zamyatnin D.N. Modelirovanie geograficheskikh obrazov. — Smolensk, 1999.
- [5] Korolev S.A. Rossiyskaya granitsa kak kraya prostranstva: genезis i tipologiya // Rossiya i sovremennyy mir. — 2002. — № 2 (35).
- [6] Plescheev S.I. Obozrenie Rossiyskoy imperii v nyneshnem i novoyustroennom sostoyanii. — SPb., 1787.
- [7] Remnev A.V. Imperskoe upravlenie aziatskimi regionami Rossii v KhIKh — nachale KhIKh v.: Nekotorye itogi i perspektivy izyucheniya. — Omsk, 1996.

-
- [8] Semenov-Tyan-Shanskiy V.P. O moyuschestvennom territorial'nom vladenii primenitel'no k Rossii // Izvestiya IRGO. — Т. 51. — Vyp 8.
- [9] Torgovlya i promyshlennost' Evropeyskoy Rossii po rayonam / Pod. red. V.P. Semanova-Tyan-Shanskogo i N.M. Shtryuppa. — SPb., 1909–1911. — Vyp. 1–12.
- [10] Flint C., Taylor P.J. Political geography. World-economy, nation-state and locality. — Lon-don, 2007.